

Русские в Севастополе

(На основе документов, опубликованных при покровительстве цесаревича)

Много событий, произошедших после 1855 года, могли бы заставить нас забыть о Восточной войне. <...> Но, если этого не случилось с нами, то с русскими тем более не могло случиться. Несмотря на кампании в Туркестане, в Хиве, на Кавказе, «несмотря ни на что, — пишет один русский офицер, — такие определения, как „Герой Севастополя“, „Защитники Севастополя“, с каждой новой военной акцией приобретают все более и более возвышенный смысл». Уместно здесь привести слова Плутарха: «Доказательством того, что битва была героической, является желание всех быть похожими на ее участников, а также сожаление по поводу неучастия в этой битве».

Если велика слава взытия крепости, то не менее величественно долгое сопротивление ее защитников. В этой героической дуэли слава французов ни в коей мере не умаляет русскую славу: напротив, они подпитывают друг друга. Стойкость солдат русского царя неразрывно связана с нашей славой, так же как задор и безрассудная отвага французских пехотинцев возвеличивают защитников Севастополя. Память о Севастополе является общим и неделимым достоянием двух армий.

Все, что связано с этой войной, до сих пор вызывает живой интерес в Санкт-Петербурге и в Москве. Четыре года назад наследник престола великий князь Александр Александрович основал «Музей Севастопольской обороны». Было решено не ограничиваться лишь пушками, осколками от снарядов, всякими железками, связанными с героическими сражениями, а обратиться к оставшимся в живых свидетелям эпопеи, большинство из которых как во Франции, так и в России уже вышли в отставку. Попросили этих людей передать великому князю их воспоминания, дневники обороны, письма, отправленные их близким, впечатления от увиденного на бастионах и бивуаках. Было заявлено, что ни одно, даже малозначительное свидетельство не будет обойдено вниманием, что любая частица правды имеет свою цену и что от рассказчика требуется не совершенство формы, а искренность изложения.

Эти документы были переданы в архивы нового музея; самые значительные были опубликованы в трех томах при покровительстве великого князя с посвящением: «Славной памяти защитников Севастополя».* Над этим изданием трудились 25 сотрудников. <...> Они широко использовали свое право на восхваление и на критику. Меньшиков, Горчаков, Тотлебен имеют как своих сторонников, так и противников. Для одних Меньшиков не смог ни предвидеть высадку союзников в Крыму, ни укрепить защитными сооружениями позиции русских на Альме, ни даже правдиво описать ситуацию в своих рапортах. Для других, напротив, он является спасителем Севастополя: дав бой 20 сентября в самых неблагоприятных для себя условиях, он с первого дня придал всей военной кампании дух смелой и

* Севастопольский сборник. — Сборник рукописей, представленных его императорскому величеству, государю наследнику, Цесаревичу севастопольцами о Севастопольской обороне. В 3 томах; Санкт-Петербург 1872-1873 гг.

бескомпромиссной схватки. <...> Один пишет: «Он был настоящим воплощением русского народа, поднявшегося на защиту своей Родины». Другой утверждает, что этот человек «не понимал русского солдата, а солдат, в свою очередь, не понимал его». <...> Но именно эти противоречия являются доказательством непредвзятости в подходе к составлению этого сборника. Всем этим научным изысканиям читатель, вероятно, предпочтет рассказы старых офицеров о том, что они видели, как они страдали, как воевали, как получали ранения, награды, как попадали в плен. <...> Тот, кто хочет представить себе ежедневную жизнь на бастионе, чувства, владевшие защитниками города, моральные качества русских офицеров и солдат, обязательно заинтересуются этими безыскусными рассказами, этими письмами, изначально предназначенными только для своих близких. Вместе с рассказчиками читатель посетит места расположения войск на Альминских и Инкерманских высотах, побывает на укреплениях под бомбовым градом, спрячется в укрытиях для стрелков, проползет под крепью рукава минного хода, проследует в госпиталь вместе с ранеными, сопроводит погибших на кладбище Северной стороны.

«Комментарии солдата» Поля Молен, «Военные и религиозные воспоминания о Крыме» Дюма-отца познакомили нас с жизнью во французском лагере; нам стали ближе укрытия наших вольных стрелков, траншеи, по колению заполненные растаявшим снегом, театр зуавов и боевая жизнерадостность нашего авангарда.

Сегодня же мы отправимся в противоположный лагерь. Попытаемся увидеть обыденную жизнь нашего тогдашнего противника. Мы будем сострадать их страданиям и восхищаться их отвагой. <...>

I

С большим волнением встречали севастопольцы войска Меньшикова, вошедшие в город после альминского сражения.

Начиная с 1813 года, Россия еще ни разу не видела неприятеля на своей территории. Крым, защищенный великолепным флотом и, особенно, авторитетом императора Николая, чувствовал себя в большей безопасности, чем другие провинции. И вот внезапно жители полуострова были поражены двойной новостью: состоялась высадка союзных войск и русские потерпели поражение в битве при Альме. Захватчик вдруг оказался у стен города. <...>

Сразу же принялись за солдат, обвинив их в бегстве с поля боя.

Беспорядок, царивший в некоторых полках, разорванная одежда, поломанное или потерянное оружие, казалось, подкрепляли эти обвинения. «Одна добрая женщина, которой я пытался открыть глаза на истинное положение дел, — рассказывает майор Горбунов, — не желала выслушать мои объяснения. На все, что я ей говорил, она постоянно отвечала вопросом: — Почему на вас нет головного убора? — И действительно, непонятно каким образом, я потерял в сражении свой кивер». К каждому новому лицу начали относиться с подозрением; неизвестный обязательно должен был быть вражеским шпионом. Один из адъютантов главнокомандующего, посетивший одного из своих друзей, был очень удивлен визитом полицейских, которых подослали к нему угодливые соседи. <...> Сидя у бивуачных костров после альминского и инкерманского сражений, русские задавали себе вопрос: «а не было ли предательства?». В городе ходили слухи о том, что Меньшиков сказал: «У меня было намерение продать Севастополь, но англичане не согласились на нужную мне цену». Этот вздорный слух через письма военнослужащих дошел до самого Петербурга. Впрочем, после небольшого панического замешательства русская армия, получив от французов пять дней передышки, приступила к интенсивной подготовке к обороне.

<...> За несколько дней были исправлены годы застоя. То, что не было возведено из камня, было заменено песком и фашинами. Были вырыты пороховые погреба, оборудованы батареи. <...> Часть флота была затоплена на рейде. Закрыв вход в порт, русские лишили англо-французскую эскадру возможности военных действий со стороны моря. Экипажи затопленных кораблей: 14 000 или 15 000 моряков и прекрасных канониров стали душой обороны. Укрепления обогатились морскими орудиями большого калибра. <...> Каждый бастион превратился в военное судно, где матрос вновь возвращался к своим командирам и своим привычкам. По образному выражению одного русского офицера, Севастополь был сам похож на огромный корабль, земляные борта которого в течение нескольких месяцев защищали судно от абордажа.

И все же, несмотря на необходимость пожертвовать кораблями, исполнение приговора было очень болезненным: офицеры и матросы с отчаянием наблюдали за тем, как уходили под воду эти гиганты, на которых они одерживали победы в восточных морях. Казнь была произведена настолько быстро, что почти все личное имущество экипажей и часть вооружения ушли под воду. Самый крупный корабль «Двенадцать апостолов» упорно отказывался тонуть. Несмотря на проделанные в трюме отверстия, он боролся с проникающими в него волнами подобно живому существу. Моряки видели в этом безмолвном взгляде полузатопленных бортов выражение почти человеческого отчаяния, усиливающегося по мере конвульсий судна, поочередно приподнимающего над волнами то свою корму, то носовую часть. Пришлось, как говорится добить судно: его обстреляли ниже ватерлинии. Рассказывают, что, несмотря на свои ранения, корабль продолжал держаться на плаву до того момента, как кто-то вдруг вспомнил об иконе, почитаемой всем экипажем, забытой в одной из кают. Как только ее извлекли, судно пошло ко дну. <...>

27 сентября у Южной стороны города появились первые подразделения союзников. 9 октября французы приступили к рытью траншей, 17 октября со стороны французов было установлено 53 пушки, со стороны англичан — 73 пушки. Это пока еще не были те 800 орудий, которые в сентябре следующего года обстреливали город, но величайшая осада Севастополя уже началась. <...>

Канонада была слышна в радиусе 110 километров. Даже в периоды затишья город терял в день до 40 человек. Бомбардировки мая и июня ежедневно уносили от 300 до 400 человек. 17 августа стоило защитникам 1 500 жизней; последующие пять дней унесли еще 5 000 человек и так далее, вплоть до решающего штурма. <...> Случались дни, когда на батареях по несколько раз в день сменялись прислуга и офицеры. Иногда рядом с орудием падало от 8 до 10 снарядов одновременно.

В один из дней по городу, по словам очевидца, было выпущено около 70 000 снарядов.* Защитники города были оглушены непрекращающимся звуком разрывающихся снарядов, зарядных ящиков и пороховых погребов. Самые закаленные, такие как генерал Семякин, утверждали, что у них от взрывов «подпрыгивала голова». В официальном рапорте Горчакова говорилось о том, что было у всех на устах: просто адская бомбардировка. Просматривая свидетельства русских офицеров, мы обнаруживаем сведения о том, что 21-ый полк потерял 43 офицера из 50 и 2 000 солдат из 3 000, а Олонецкий полк еще до последнего штурма потерял половину своего личного состава. <...> Князь Святополк-Мирский, выйдя из госпиталя, повстречал горниста из своей части: «Что нового в батальоне?» — спросил он у того. Солдат помолчал и со смущением ответил: «Что Вам сказать? Сейчас мы варим пшеничную кашу для всего батальона в одном котле; нас осталось не более 50 человек». <...> Чтобы заполнить эти бреши, надо было из глубины России постоянно поставлять

* По сведениям маршала Ниеля всего по Севастополю было выпущено 510 000 ядер, 350 000 бомб, 236 000 снарядов, 8 000 гранат и т. д.; вместе с англичанами — 1 500 000 снарядов.

в ненасытный Севастополь новые подкрепления с офицерами. Некоторые из этих людей оставили нам свои впечатления от марша по степи. Святополк-Мирский, к примеру, прибыл в самый разгар крымского лета. Колонны русских солдат шли по высушенной голой степи в обжигающей пыли. <...> Зимой же разбитые дороги казались одним широким болотом. По этой пыли или грязи тянулись длинные вереницы татарских арб, скрипящих своими несмазанными деревянными колесами. Один поток, груженный порохом и снарядами, направлялся в Севастополь, другой, идущий в противоположную сторону, вез больных и раненых. Вдоль дороги валялись трупы лошадей, убитого скота, брошенные повозки. <...> Деревни были безлюдны и разграблены. <...> Симферополь был похож на один огромный госпиталь. <...>

Для тех, кто сюда попадал впервые, это уже была война со всеми ее ужасами. <...> И вот наш новоприбывший уже на Северной стороне. У него в запасе лишь несколько часов, которые он может провести в этом месте. <...> Здесь расположено Севастопольское кладбище, <...> где ежедневно появляются сотни новых могил. <...> Наконец-то наш герой, сопровождаемый пролетающими над его головой бомбами, пересекает бухту на баркасе. Он прибывает или непосредственно в город, или на Корабельную слободу, защищенную реданами и Малаховым курганом, нависающим над ней. Эта двойная защита, в конечном итоге, привлекает еще большее количество снарядов, падающих на ближайшие строения. Зайдем в компании капитана Децинского в ближайший модный ресторанчик, или, вернее, в то, что от него осталось. «Именно здесь собирались за ужином офицеры. Хозяин этого трактира потерял обе руки во время первой бомбардировки. Бомба пробила крышу, потолок и разметала весь пол». Чтобы попасть на укрепления, можно пройти по Морской улице. Некогда такая оживленная и красивая, сегодня полностью разрушенная, часто обстреливаемая, эта улица прозвана «долиной смерти». <...>

Прибыв на бастион, новенький более всего страшится показать, что он боится. Старые закаленные матросы, обслуживающие пушки, недружелюбно поглядывают на него, особенно, если перед ними сухопутный офицер. Они краем глаза следят за его реакцией на свист снарядов. Матросы спорят: «поприветствует ли новичок пулю» или по-глупому даст себя убить первой же бомбой. Приветствуется что-то среднее между двумя этими крайностями. Не нужно проявлять излишнюю глупую нервозность, и в то же время требуется определенная ловкость для того, чтобы увертываться от осколков снарядов. <...> Сверху на парапетах, лежа на земле с подозрительной трубой, расположились наблюдатели. Они следят за стрельбой французов и предупреждают своих товарищей о направлении полета снарядов.

Постоянно слышатся крики: «Бомба! Для батареи Жерве! — Ядро! Для четвертого бастиона! — Осторожно! Бомба для нас!»

Вот что рассказывает новичок об уроке осторожности, данном ему умудренным опытом другом: «Знаете ли вы, что нужно делать, когда возле вас падает бомба?» «Знаю, — отвечаю я. — Нужно упасть на землю поближе к плутовке. «В этот момент ближайший ко мне наблюдатель кричит: «Бомба!» И спустя некоторое время добавляет во всю мощь своих легких: «Для нас! Осторожно, бомба!» «Да, — подтвердил майор, — бомба летит прямо на нас. Вы ее видите?» «Нет, — отвечаю я, — у меня слабое зрение и мне мешает яркое небо». «Это очень плохо, — говорит он, — в таком случае, разрешите мне управлять вашими действиями». Он взял меня за правую руку и, следя за полетом снаряда, начал водить меня из стороны в сторону. Внезапно майор резко толкнул меня вправо, и в тот же миг слева, в двух или трех шагах от меня упала бомба. Земля закачалась, мы бросились на землю. Пришлица спокойно вращалась в нише, которую сама себе выбила. Я затаил дыхание и, перекрестившись, пополз к бомбе, сокращая расстояние, разделяющее нас. Внезапный взрыв оглушил меня. <...> Все в пыли, мы вскочили на ноги, осматривая друг друга, не решаясь вымолвить ни

слова. «Поздравляю вас, — сказал майор, — вы только что прошли боевое крещение. Теперь вы — член севастопольского братства!» <...>

II

Началась бастионная жизнь: жизнь полная лишений, усталости и бессонницы. Ты видел, как вокруг тебя гибли твои товарищи и друзья. У одного оторвало обе ноги, у другого вместо головы — яичница, третий стал просто кровавым месивом. Его собирают в мешок из-под хлеба и бросают рядом с трупами. Когда случайно отбираешь подобный рассказ очевидца, оказывается, что почти всегда герой повествования остается в живых один из множества тех офицеров, кто с самого начала участвовал вместе с ним в боевых действиях. Невозможно даже представить себе, как выглядел русский бастион в последние дни бомбардировки.

«Даже в самый ясный день, — рассказывает командующий Драшенфелз, — солнце было закрыто дымом, пылью, землей, вспышками от снарядов и множеством других элементов, присутствующих в воздухе. Наши защитные сооружения настолько были перепаханы снарядами, что очередная бомба, глубоко погружаясь в почву, выбрасывала при взрыве огромное количество земли, обстреливая нас камнями и гравием. Мое лицо было окровавлено, а ноги и руки поражены камнями, летящими со всех сторон». Когда опускалась ночь и стрельба противника становилась более неуверенной, не надо думать, что кто-нибудь сидел, сложа руки. Нужно было починить повреждения, нанесенные защитным сооружениям, укрепить парапеты, расчистить амбразуры, насыпать землю на пороховые погреба, пополнить запасы пороха и снарядов, поменять вышедшие из строя части оружейных механизмов, потушить пожары, собрать убитых. <...> После всего этого, на следующий день повторялось то же самое. Снова начиналась «адская бомбардировка», снова приходилось заряжать, наводить орудие, выстреливать, вновь заряжать... И опять рвутся бомбы, свистят ядра, гибнут солдаты. Уже все устали от крика наблюдателя: «Наша! Осторожно, бомба!» От усталости и недосыпания солдаты и офицеры засыпали стоя, прислонившись к парапету, не обращая никакого внимания на взрывы и ужасную канонаду. Спали у амбразуры, несмотря на риск получить пулю в голову, спали, несмотря на грохот своей пушки. Умереть — пускай, но прежде всего — выспаться!

«На бастионе, в землянке, беседуешь ли ты, читаешь ли, — все время те же выстрелы, те же крики: «Осторожно! Осторожно!» Все время опасность. И все это днем и ночью, ночью и днем, месяц за месяцем, без передышки, без пощады! Всех охватывает состояние отупения и апатии. Даже дышать становится тяжелее».

Время идет, разочарования усиливаются и характер у осаждаемого ожесточается. Он ругает на чем свет стоит эту толпу дипломатов, которые на Венском конгрессе не смогли найти способ помешать 200 000 храбрецам уничтожать друг друга. Он взбешен действиями английского парламента, не пожелавшего выслушать миролюбивые речи Гобдэна и Брайта: это не люди, не желающие слышать то, что им говорят». Вот пускай бы Пальмерстом вместо того, чтобы, сидя в кресле, переночевал бы денек в палатке и пощупал бы русскую зиму!

«Говорят, что сейчас Севастополь в моде и что в Санкт-Петербурге светские львы, задающие тон, разгуливают в больших сапогах и в фуражке à la Севастополь. Я бы хотел, чтобы их прислали сюда вместе с этими сапогами и фуражками. Мы бы тогда посмотрели, настолько ли они храбры на бастионе, как и на Невском проспекте».

К концу осады мысли русского капитана приобретают более меланхолический оттенок. С каждым днем уменьшается количество морских офицеров и матросов. Этот элитный корпус тает на глазах. <...> Наш капитан начинает ненавидеть эту ужасную

войну: «Эх, Надя, Надя, — пишет он своей сестре, — когда уже кончится война? При мысли о том, сколько храбровцев уже полегло и сколько еще погибнет, волосы встают дыбом. Какого черта этим французам взбрело в голову прибыть сюда?! Это одинаково плохо и для них, и для нас. <...>

Те, кому выпадала минутка отдыха, отправлялись в госпиталь навестить своих раненых друзей. Госпиталь — печальное место, где даже долгое лечение по последнему слову науки, кажется, только усиливает страдания несчастных. Здесь царит великий хирург Пирогов, врач с европейской репутацией, высоко почитаемый в медицинской среде. Однако, он не может не внушать ужас пациенту. Судите сами: уже само появление Пирогова в палате всегда предвещало какую-либо срочную и опасную операцию. Подполковник Розин рассказывает о тревожных ожиданиях своего друга Станкевича, прикованного к кровати из-за ранения в ногу. Знаменитый хирург был его кошмаром, простое упоминание его имени вызывало в нем жар. Каждый раз, когда открывалась дверь в палату, он начинал дрожать и бледнеть. Однажды дверь широко открылась, вошел Пирогов. Целый медицинский штаб сопровождал его. Тревога нашего героя достигла своего апогея. Приблизились к его кровати. «Как нога?», — услышал он короткий вопрос.

«Прекрасно», — ответил Станкевич, — и с невероятным героическим усилием показал, что может двигать этой ногой.

«Ну и храбрец же ты», — сказал я другу.

«Да, но я же спас свою ногу», — ответил он.

Другой офицер по фамилии Корженевский стоит у входа в госпиталь, ожидая приказаний. Он созерцает бесконечный поток носилок. В этот день союзная артиллерия особо ожесточенно обстреливала бастионы. За носилками носилки и повсюду — ужасные ранения. Часто на носилках можно было увидеть друга, с которым ты еще полчаса назад спокойно беседовал на укреплениях. Хирурги входили и выходили с озабоченным лицом. Один из них подозвал Корженевского.

«Подойдите сюда, — грубо приказал он, — поддержите этого вояку». И с помощью Корженевского, без особых приготовлений, без хлороформа этот человек проводит ампутацию пальца. Раненый кричит. «Замолчи, — прерывает его хирург, — или я отниму тебе всю руку». Операция закончена. Начинают перевязку. Корженевский спрашивает у помощника:

«Кто этот оригинальный и ловкий хирург?» «Пирогов», — с гордостью отвечает ему его собеседник. «Да хранит меня Бог от более близкого знакомства с этим человеком», — говорит Корженевский. <...>

III

Несмотря на ураганный обстрел бастионов Севастополя, считалось особой честью оборонять их, особенно в самые тяжелые моменты и находиться там даже в часы, свободные от дежурств. Майор-артиллерист Демьяновский, несмотря на лихорадку, отказывался покидать свой пост. «Почему вы не отправляетесь в госпиталь?», — спрашивали его друзья, видя страдания больного. «Послушайте, вот когда я получу ранение, тогда и пойду лечить рану, а заодно и болезнь», — отвечал тот. <...>

Русский солдат всегда был глубоко религиозен. <...> На каждом бастионе была своя икона. На всю армию, на всю Россию прославилась икона Спасителя на Малаховом бастионе.

Помещенная в наименее защищенном месте укрепления, она чудесным образом не пострадала ни от пуль, ни от осколков снарядов. Среди офицеров тоже очень

много верующих. <...> Многие из них были спасены от смерти нательными образами, подаренными их матерями или крестными.

А вот рассказ, где присутствует сверхъестественное: «Вот уже несколько часов, как я, лежа, отдыхал в блиндаже, и вдруг слева от меня, там, где находилась икона с горящей лампадой, послышался голос, зовущий меня по имени. Я встал и подошел к тому месту, но не увидел никого, кроме спящих матросов. В тот же миг именно туда, где я только что лежал, падает бомба весом в 200 килограмм. Взрывом вышибает входную дверь и убивает несколько матросов. Таким образом, неизвестная сила отодвинула меня от гибельного места. Благодаря Божьему милосердию, я остался цел и невредим. Все окружающие восхищались моим божественным спасением». <...>

Русский солдат умеет шутить. На бастионе, в блиндажах редко случалось, чтобы какой-нибудь рассказчик не собирал вокруг себя группу слушателей. Чаще всего звучали рассказы о солдате-пьянице, бездельнике, игроке, забияке, который, несмотря на все это, был смелым и достойным парнем, попадавшим в рай после своей гибели. Если в котел с кашей попадал снаряд, все довольствовались ужином из шуток: в этом мрачном Севастополе так редко случалось посмеяться!

Солдаты придумывали шуточные названия различным снарядам, которыми союзная артиллерия их так часто потчевала. Ядро прозвали «галкой», несколько соединенных между собой гранат называли «связкой», свинцовые снаряды, с помощью которых англичане пытались разбить блиндажи, прозвали «увальни из Ланкастера», бомбы, которые при рикошете, галопируя, оставляли позади себя светящийся хвост, называли «жеребцами» и т. д. <...> Иногда, чтобы прогнать скуку и «повеселить француза», русские запускали воздушного змея с карикатурой на турка или на зуава.

Менее занятые занимались поиском вражеских пуль для их дальнейшей переплавки. Начальство им платило рубль за килограмм свинца.

Вскоре сформировались команды смельчаков. Часто можно было увидеть русских пехотинцев в огромных сапогах и плоской фуражке, дефилирующих вдоль траншей и со смехом подбирающих пули, посылаемые в них, «как будто бы они собирали картошку». Одна из команд смельчаков проявила такую выдержку и самообладание, что удостоилась прекращения огня и аплодисментов с французской стороны...

IV

<...> Среди защитников Севастополя самое почетное место принадлежит морякам-черноморцам. Они считали себя элитой и не боялись равняться с английским флотом. Крымская война была для них личным делом: разве главной целью англо-французской экспедиции не было разрушение *их* крепости и ликвидация *их* кораблей? Вскоре морские волки вынуждены были превратиться в солдат. Боевым крещением для моряков стало сражение на реке Альма. Пехотинцев развлекал вид вооруженных до зубов моряков, обвешанных ружьями, саблями, топориками и пистолетами. Можно было подумать, что сейчас они пойдут на abordаж. Удивляли также их взаимоотношения со своими офицерами. Моряки никогда не снимали фуражку, обращаясь к более старшему по званию, и не прибавляли: «Ваше благородие». Вскоре выяснилось, что эта фамильярность абсолютно не отражалась на воинской дисциплине. Малейшее указание их офицера, и вот они уже на острие атаки. Можно сказать, что на бастионах Севастополя они сражались за свои семьи: ведь у многих в городе проживали их жены и дети. <...>

Среди гражданского населения в первую очередь надо упомянуть мужественных женщин, ухаживающих за ранеными и больными. <...> Они приносили на бастионы своим отцам и мужьям бесхитростную еду. Устраивались у орудия и вместе

кушали, оплакивая сожженные дома, погибших друзей, ребенка, убитого шальным снарядом.

Эта картина военной жизни была бы неполной, если бы мы не упомянули о пленных.

К нашим офицерам в русских городах относились благожелательно и с уважением. <...> Русским пленным также не на что было жаловаться. Кроме помощи своего государства, офицеры получали от нас денежное довольствие, соответствующее такому же чину во французской армии. Русские солдаты питались так же, как и французские. Они жаловались лишь на то, что хлеб слишком белый, и скучали по черному хлебу. <...>

Последним эпизодом осады явилась оборона башни Малахова кургана шестьюдесятью защитниками. Этот подвиг вызвал искреннее восхищение со стороны противника. По свидетельству Пелисье, в какой-то мере, именно по его предложению, Александр наградил несколько офицеров, участвовавших в этом героическом эпизоде. Русские отступили, взрывая все позади себя. <...> И когда, переправившись на северный берег, русские увидели Севастополь, расстилающийся у их ног, дымящийся, как титан, содрогаемый взрывами, как последними конвульсиями, освещающий Черное море заревом своих пожарниц, острая боль поразила сердца защитников города. <...>

Крымская война была одной из самых кровавых войн XIX века. Вместе с тем, она, вероятно, оставила после себя меньше горьких воспоминаний, чем другие войны. При штурме, в открытом поле все сражались с яростным упорством. Но вне битвы не было ненависти друг к другу. Это не было расовой войной, войной наций. Солдаты храбро сражались: это был их долг. Но, как только наступало перемирие, среди трупов, посреди пролитой крови начиналось братание. Это не была та война, которую не загладит последующий мир, та война, которая оставляет чувство горечи в сердцах побежденных и чувство заносчивости у победителя. Одни превратили неудачу в славное возрождение, другие вынесли с поля битвы прекрасные, но бесполезные лавры победителя вперемежку с сожалением от столкновения с противником, проявившим к ним симпатию. Никто не брал заложников, никто не расстреливал невинных. <...> Эта ужасная война была честной и гуманной. <...>